

В. Харитонов

Д У Х О В К А

/рассказ/

Во вторник шел в поселок за хлебом, вижу на пригорке со спины, я еще Лене заметил— вот, мальчик девочку дожидается, фигурка запала сразу, гитара на шнурке через шею, как он ногу выставил. И неожиданно, назад идем, он еще не ушел, здесь вижу в лицо. Я спросил спички, он не ответил пошел на меня, я еще не понял, почему идет не отвечает, или уличная манера; он просто идет протянуть спички и сам спросил закурить. Сейчас, думаю, разоидемся, не увижу никогда. Разошлись, я нашелся вернуться, попросить поиграть на гитаре, и хорошо, я не один. Он начал сразу, голос только установился, песни, как они во дворах поют. Весь запас спел, больше задержать нечем. Я как-то дошел до дома, но когда один остался, и поделиться не с кем, думаю в Радугу, так, лишь бы идти не сидеть на месте, прошел половину поселка и встречаю. Удивительно, хотел увидеть и увидел, хотя, раз он недалеко попался, почему ему здесь и не жить. Я как будто гуляя от нечего делать и думаю присоединиться, ясно, что он просто так стоит. Он кивнул, я как будто хочу присмотреться к его игре, какие места зажимать на струнах. Долго ходим, разговора немного: узнал, что учится, пойдет в десятый класс, и учится в школе математиков на несколько человек со всего востока; не просто уличный мальчик; каста. Он на пригорке стоял, ждал приятеля Сережу, чемпиона по самбо, тот хотел вернуться из города. Пока мы как будто бесцельно слоняемся вдоль фанерных домиков, попадаются девочки его лет, о чем-то обмолвятся с ним, я в стороне не мешаю. Стемнело, он говорит— пойдём к спортсменам?— Пойдем; не говорю, конечно, что не знаю спортсменов и никого здесь. Затруднения с разговором, когда о машинах или о песне, которую они все знают. У него разряд по плаванию. Тут я и понял, что, когда недели три назад увидел, здесь по дачной улице шел мальчик с аквалангом и ластами под мышкой, ровесники шли с ним, девочки, или дети, я поразился тогда,

как он красив, и во взгляде бессердечность, от красоты, видел всего мгновение, только прошли мимо, — тут я понимаю, это он и был. Стемнело, сидим на скамейке у одного домика, он все время перебирает струны и напевает уличным голосом эти песни, блатные, жалостливые про любовь. Из домика женщина попросила не петь. Мы пошли к открытой веранде столовой, там дежурная лампочка посередине невысоко, такой тусклый свет с большими тенями; старуха сторожит с папиросой и две девочки с парнем; а девочки попадались, и мальчик тоже, спрашивал у Миши — девок нет? и Миша засмеялся; Миша дал ему гитару, этот Толя, с малороссийским выговором, смешно, и с чувством, не как Миша, запел, с руганью через слово. Толя послал девочек за картами, я подумал, хорошо, их четверо и я лишний, не выяснится, что не играю; эти девочки живут в домике рядом, дочери, что ли, заведующей столовой; когда они вернулись, Толя увлекся пением, они одни со старухой сели в угол напротив с пашьянсом, а мы с Мишей слушали Толю и смеялись, уже объединены вниманием к пению; песни у Толи были такие: беспризорник подходит к кассе, хочет украсть билет, его забирают, он говорит — Граждане, как вы жестоки, граждане, сердца у вас нет, вы забыли, что я беспризорник, зачем же меня обижать; или в притоне оборванец убил моряка из-за пары распущенных кос, наклонился над трупом, узнал в нем родного брата и ее убил тоже; или школьные про любовь, с красотами слога, и как он их серьезно задушевно пел, так они и доходят до вас. Кончилось пение, мы пошли провожать Толика к палаткам. Он сразу стал рассказывать непридуманно свои похождения, как он сломал четыре целки в свои годы, а другие всю жизнь хотят жениться на девушке, не найдут, и как они к нему привязываются. Говорил он больше мне, Миша занимался гитарой, возможно, Миша привык к рассказам, а я хорошо слушал. Дальше путь с Мишей, и он рассказал об убийстве, к тому, что мне через лес идти; на днях в этом месте убили парня цепями от мотоцикла. Дальше в разные стороны — ну, до свидания — до свидания; и сам говорит, форма, но все равно, — завтра увидимся.

После встречи на пригорке я думал, что и простое знакомство невозможно, а оказалось возможно, столько были вместе, говорили, он здесь живет, знает теперь, как меня зовут, я знаю, что он Миша и завтра увидимся.

Назавтра, в среду, с утра в поселок к палаткам, вижу Толика, хохла, один на обрыве, — здравствуй — здравствуй — Миши не видел? — Нет, не видел. Хорошо, думаю, когда он будет здесь проходить, попадусь на пути, он не увидит, что я его искал, да я еще с Толиком, как будто с Толиком познакомился, не будет для него одинокой фигуры, подкарауливающей его. Спортсмены ложатся рядом в карты играть, к ним подошел тренер или старший с витаминами, мне отсыпали. Вижу, идет — здравствуй — здравствуй; на речку идем, Толя, хохол, не пошел из-за дел, и по дороге он рассказал случай: сидит он в общежитии, а школа математиков за городом и он год живет в общежитии, ногу втиснул между столом и стеной; вдруг боль ниже колена, боль все сильней, он понял в чем дело: за стеной гудит сверло, с той стороны сверлится дыра там, где у него колено, он никак не вытащит ногу, сверло уже в ней, а нога вплотную между тумбой и стеной, и он в таком положении, что стол не отодвинуть; он закричал в стену, только тогда остановились, вошел рабочий, Миша вытащил ногу, сверло уже вошло и в кость. Сам Миша как математик сказал, что вероятность попасть сверлу в его колено по отношению к стене равнялась нулю. Пришли на их место купания, плавки на нем коричневые с желтыми полосками по бокам. След от сверла показал. Красоты своей не сознает, может быть, говорили девочки, но сам в зеркало посмотрится, не поймет, и товарищи не понимают, конечно, товарищ для них, и все. Предложил сплавить на остров, для меня будет пределом туда и обратно. Я вида не показал, там посидели немного, он сразу хотел назад, я предложил посушиться, последние метры я с большим трудом, вылезли, надо прийти в себя, дальше с разговором неплохо есть гитара, а я хочу научиться и запомнить песни. Он показал бой и аккорды. Сестра у него в институте, поет в клубе Жданова перед сеансами; или сестру упомянул вчера. Пришел Толя хохол, вместе обучение бою — восьмерка, семер-

ка, такие названия; Толя предложил осваивать на голове щелчками, так, говорит, лучше запоминается. Они еще хотят купаться, я говорю— я лучше позагораю; так выдохся. Вот еще, например: Толя пришел с обеда; значит, когда Мише идти обедать, Толя с ним не пойдет; чтобы мне пойти с Мишей и вышло непреднамеренно, я заранее говорю— ну, мне скоро обедать; так что, когда Миша хочет идти, мне уже можно с ним; а не так, чтобы он встал, и я за ним увязался, не подготовив заранее. Вместе весь путь до его поворота, спрашиваю: даже не спрашиваю, так— снова купаться придешь; — ага. Уже буду знать, где его увидеть, и примерно через час; и на время обеда он дает гитару поучиться. Домой ко мне Ваня приехал; а я ему и про стихи хотел сказать, и Мишу сейчас увидит, мне интересно, сможет и он понять, когда перед ним мальчик один на десять тысяч. Пошли на речку, Миша пришел через полчаса; тут все удобство положения с собеседником твоего круга. Для Миши одного не выйдет оживления и занимательного разговора, а через Ваню и Миша послушает, засмеется, если Ваня засмеется, вовлечется, проникнется ко мне немного. И важно, я не один в глазах Миши, и у меня есть приятели. Часа три так пробыли, Ваня хочет в город, я пошел проводить на автобус. Миша спрашивает— потом придешь? форма, но все же; вот мы знакомы уже, можем вместе идти по улице, во вторник после пригорка не помышлял. По дороге разговор с Ваней— человек не моих страстей все подтвердил о Мише. Я устал, остров, и столько за день ходил, больше решил туда не идти. И хорошо лишний раз не показаться, пусть думает, и у меня своя жизнь, а не так, что один как перст и все время караю. Тут гитара к месту, все мой интерес к гитаре и песням. Еще, в первый же вечер он сказал, тем летом поедет в Москву поступать; а зимой ездит в Москву на каникулы; еще, думаю, запишу ему адрес.

В четверг просыпаюсь, как хорошо, думаю, вчера лишний раз не надоедал; хотя, тут не ошибусь; но лучше иметь в виду. Весь длинный путь, полтора километра до столовой, полтора километра до его купания, не вижу. Хочу в домик

к нему зайти, он вчера сказал тридцать два, и когда я шел с обеда с Ваней, я еще крикнул — Миша; я подумал тогда, он на речке, но, выяснилось, он просто не слышал; но раз я кричал тогда, а главное, раз меня вчера вечером не было, а собирался, сейчас думаю, можно. Вижу, его бабушка с посудой, а домик определил прежде чем по номеру, по ластам и аквалангу в дверях. Миша, спрашиваю, на речке? Спит, говорит, только завтрак готовлю; приветливости не было, всегда подозрение к знакомствам детей, и человек зашел старше Миши. Тут я увидел в открытую дверь край раскладушки и ноги под простыней за край зашли. Иду пока на речку час поспать на лужайке, чтобы время пробежало, где накануне с утра лежал, чтобы он проходя сам наткнулся. Час прошел, может быть, полчаса показались за час, терпения нет, пошел к домику, и все время чувствуешь, кому-то из соседних домиков уж стал любопытен. Наконец, выходит, рубашка узлом на животе. Я к тебе, говорю, пошли на речку; сказал обязательно, что один раз заходил, бабушка наверняка ему сообщила; чтобы не вышло, что я почему-то не признаюсь. Он берет гитару в домике напротив, отдавал вчера, тут на середине пути его окликают в тельняшке некрасивый крепкий, Сережа, как я и понял, кого он ждал в первый вечер из города; знакомить не принято, правильно, мы лишь два дня на речку попутчики, а с Сергеем сами познакомимся, если нужно будет; тут лишних церемоний нет. А с Мишей был договор, что он попросит у Сергея тетрадь, с песнями. Дальше втроем на реке; кажется, они сплавали на остров; нет, Сергей не раздевался, сидел одетый. Миша выучился на гитаре от него. Сергей может над ним посмеиваться, например, над его игрой; хотя сам умеет кое-как, только чтобы гитару держать для нормы. Возня между ними, когда Сергей, играя, может обнять, прижать. В этот день или накануне я спросил, много ли мне времени на учение; он сказал уедет числа двадцатого; а этот день восьмое. У них жаргон: путевый — хороший; жена — девочка, с которой спал; шкура — пиджак; нельзя поддаваться соблазну спросить Мишу с ласковой улыбкой старшего человека, обняв за плечи, что значит жена или

поролся— сразу человек из другого общества, а так равный, со всеми преимуществами знакомства на равных. У домика Сергея, где они остались на перевернутой лодке, даже не дойдя, Миша спросил у Сергея тетрадь; не в том дело, что помнит и приятно, что помнит, а моим прогулкам у него есть объяснение. Сергей вынес тетрадь с ошибками, прошу до вечера, но излишняя вежливость опять ни к чему, лишь отдали, и я чувствую меру, не поддежываться и не слишком отличать— ся. Спечтал, скорей опять к ним, при расставании они приглашали— ну, мы тут будем, приходи. Опять весь путь до их купания, нет, иду назад, вижу вдаль, идет; я показываю тетрадку, чтобы видел, что с делом,— вот, говорю, перепечтал, забыл, где Сергей живет. Подошли к его домику, вызов свистом, сели все на лодку как будто сучая заодно. Он все с гитарой, Сережа ему говорит— голова от твоей музыки заболела, играть ни хуя не умеешь. Я вниз на траву сел напротив, чтобы лучше видеть. Когда мне уходить, Миша сказал— мы у костра будем, где спортсмены. И в третий раз пришел к ночи, нашел по гитаре в домике у столовой, куда девочки уходили за картами в первый вечер; в окне те две девочки и Миша с Сергеем. Еще думаю, может быть, мне не стоит, раз двое на двое, но все же заметно, они просто так сидят; открыли— ты по гитаре нашел?— по гитаре; с Мишей вместе сидим на койке без матраца, он все играет и поет. Приходит мама девочек или одной из них и без обиняков просит идти по домам. Пошли к костру, спортсмены пьяные слегка, один позвал— эй, давай сюда, спой что—нибудь; и вот его особенная ясность, он сразу начал им петь, а поет он на здравый вкус неумело, хочет походить на вчерашнего Толю хохла, ему его акцент понравился. Когда нам уходить, говорит, наверное, завтра в город поеду— ты не собираешься, меня спрашивает; да, говорю, надо бы, договорились вместе. Втроем назад, глубокая ночь; как удачно: Сергей живет на середине пути, дальше вдвоем; вот тут я рассказал ему об убийстве; во вторник мне Миша сам рассказал, убили цепями, потом в среду мне Леня сказал повесили на цепях, и теперь передаю, как рассказал Леня, смеется— кто что говорит; и договорились, что завтра с утра зайдет за мной, раз мимо

меня на автобус; и дал гитару- хочешь, говорит, пока? Иду учу по дороге его бой, завтра вместе в город.

Завтра пятница, проснулся часов в семь, он в начале десятого зайдет, сижу пока на крыльце с гитарой. Идет в белой рубашке, говорит, издали услышал по гитаре. Я захватил переводы, ничего, конечно, они ему не говорят, разговора в дороге нет, он и в автобусе слегка перебирает гитару, вначале оба стоим, потом я сижу, он стоит, на свободное место сесть не захотел. Дальше ему на свой автобус. Говорит, назад поедет, может быть, сегодня вечером, может быть, завтра утром; а ехал он в школу для математиков; я думаю - похвалиться хочет, чему выучился; а может быть, не так представляю. Но договариваться созвониться, когда назад будет ехать, теперь нельзя, он слышал, как я уходя с дачи крикнул, в четыре вернусь; если я буду ждать до десяти, когда он, допустим, позвонит, получится для него, я нарочно его ждал неизвестно зачем. Может быть, он и не слышал, когда я сказал вернусь, или забыл; но уж нельзя, выйдет преднамеренно. А я со вчерашнего дня рассчитывал и назад вместе. Пятница, день танцев, пятница, суббота, воскресенье. Вернулся в деревню и сразу к Сергею. Тут планы быть ближе к нему, чтобы когда я хожу с ними, Мише преждевременно не пришло в голову, и Сергей тоже, и Сергей обратил бы внимание Миши, что я хожу с ними из-за Миши. Прохладно, Сергей в плавках, а все гуляющие одеты, посматривают на него, я, спрашиваю, не холодно, он смеется- я спортсмен. Разговора мало, молчание заполняю свистом; он крепкий, неказистый, но это я в среду отметил около Миши. Неловкости в разговоре, когда коснется бадминтона или тенниса; на мне в тот раз не было плавков, подходящий предлог не лезть в воду; но ведь я сам зашел за ним звать на речку, иду и думаю, придется купаться. Он еще взял ласты, хочешь, говорит, и ты в ластах попробуешь. Не доходя до купания, видим пьяный спортсмен бьет громко палкой по сосне, эй ты, приказывает, наступи на конец, но мы вдвоем, и у Сергея сложение борца; когда я не говоря ничего прошел мимо, спортсмен не прицепился, дальше, слышим, упал велосипед, он подставил палку мальчику лет пятнадцати, тот упал, поднял велосипед не огрызаясь, зная, что за это будет, а

спортсмен веселится. А когда мы по этому высокому крутому спуску сбегали, Сергей сказал— что ж не разулся, в сандалии наберется; я отмечал про себя промахи; мне тоже надо бы в воду, ведь это я его и позвал, он дома с книжкой сидел, а я теперь не иду, говорю— так посижу; хотя купаться пошли в ластах, а ласты одни, значит, он, потом я. Он еще звал на острова, но у меня память свежа, как я тогда устал; и там был подъем, а тут холодно; он думает, я как он, пусть без разрядов. Он сплавал на остров, потом и мне надо бы в воду, и я не знаю, так или не так: я ноги вначале от песка обмываю, чтобы ласты ему не выпачкать; на ходу вижу бессмыслицу, раз все равно в воду, но он мог не заметить или принять за привычку, и ему же семнадцать лет, а я столичный человек, может быть, так нужно. Трудно зайти в воду в ластах; а перед этим забавно, Сергей сказал, в ластах больше всего тонут, говорит, надо идти спиной. Сергей еще окунулся, пошли назад низом под обрывом; а когда я за ним заходил, я был с сообщением, что Миша вернется сегодня вечером, или, вернее всего, завтра утром. Идем низом, он рассказал, как в прошлом году в такую погоду— он заметил еще, когда мы шли туда над обрывом, что вода прибыла, или наоборот убыла, по границе островка напротив,— в эту погоду две девочки позвали нарочно моряка, знали, что он не плавает, хотели посмеяться; моряк не пошел, девочки пошли и утонули; когда вода прибывает, образуются водовороты. Еще рассказывал, они с мальчиками, когда у пионеров был родительский день, плавали в лодке и нарочно, один нырнет, как будто что-то ищет, другой кричит— ну как? тот в ответ— не нашел, чтобы с берега их спросили— чего ищите? а они отвечают— утонул какой-то пионер. А здесь было два лагеря, и на следующий день в каждом лагере говорили про другой, что там утонул один пионер. И опять вернулись к убийству; я, чтобы разговор поддержать, начал про этот случай; не только, говорю, убили цепями, и повесили на цепях; так слышал от соседского мальчика Лени, но Леня сказал, в двух километрах отсюда и ночью, а Сергей говорит, днем, среди деревни. Я попал впросак, спросил, а за что.— Как за что, как всегда, ни за что, пьяные были, и Сергей знает, кто. Двое мальчиков из города, и убили городского, семнадцати лет. Милиция не найдет. Дошли до него —

до свидания - до свидания; спросил, приду ли на танцы, дог- ворились на десять часов. Вначале мы договаривались, на пути к речке, что я за Сергеем зайду, не помню, сказал я, что не знаю, где танцы; сейчас он хотел объяснить, я го- ворю, знаю, не надо, чтобы не было у него впечатления, что человек здесь живет и не знает, где танцы; и я мыслен- но знаю по музыке. Вечером пошел только показаться; а дома хорошо, пироги поспевают в духовке. На танцплощадку при- шел в разгар; и вижу, Миша приехал; в сером свитере, в ке- тором ходит в холод, - о, приехал, когда? - да тогда-то, а ты когда (я) - я днем. Сергей сказал, думал, что я не при- еду. Все возбуждены. А вокруг страшные подростки, ищут ко- го избить. С девушками надо шутить. Миша с Сергеем так и делают. Грустно от музыки, и что все веселятся, а ты не в жизни, они танцуют, ты нет, и в голове убийство. В кожаной куртке его двоюродная сестра лет четырнадцати, с ней жена, девочка, с которой он спал; может быть, сочиняет, хотя, год общежития. Сергей подталкивает меня - иди потанцуй, а то замерз, покажи, как надо в Москве. Разговор, искать им девочек или нет. Мальчики прыгают с мальчиками, Миша меня зовет - нет, говорю, Миша, так постой. Оторван от них, и от музыки грусть. Делаем вид, как будто интересно, как танцуют или как Миша играет; и подходящий повод, пришла одна Ольга с молодым человеком, я понял, это сестра, как будто нашел занятие, хочу послушать. Ее окружили, девочки, официантка Ляся, Миша как у себя дома, и понятно, ему ну- жен такой друг, как Сережа, за его спиной лучше. Но семейст- во - Миша, сестра, и двоюродная в кожаной куртке, сестра певица очень красивая, хотя лицо не Мишино, и сразу ее ок- ружили, муж еврей красивый, правда, не так. Но сами сестры и брат, младшую двоюродную, тогда думал, она родная, почти не разглядел, но Оля и Миша. Что она сестра сразу понял, когда уверенно задела. Тут Миша спрашивает того, кого я считаю ее мужем, - как тебя зовут? не для знакомства, с какой-то просьбой, тот назвался, Слава, и позже выясняет- ся, Сергей сказал, что он не муж. А муж на соревнования уехал. Еще Сергей показал на двух преступного вида подрост- ков - один из них убил, кого ищут и не найдут. Может быть,

и не так, но картина- и эти принцы крови здесь, легко себя чувствуют, королевские дети среди разбойников не знают, кто они сами такие. Как Миша танцевал: конечно, он не умеет, но что он не стесняется, как пел вчера перед спортсменами.- Сестра с любовником собрались уходить, еще думаю, будут спать дома при бабушке. Миша с Сергеем никого не ищут, это больше так говорилось. Втроем, Миша, Сережа, я пошли лесом, народу много, в обнимку под кустами. Один старик, даже и не старик, мне, сказал, сорок семь лет, живой, идет со всеми, послушать и поиграть с молодежью. Он помогает, послал ребят за дровами, подсмеивается над собой, что старик, а туда же со всеми, и они над ним посмеиваются беззлобно. Но он старше меня на девятнадцать лет, старик среди них и так себя и ведет, а я старше Миши тоже на двенадцать лет. Костер, хорошо, тепло стало, на земле сыро, я стоять устал, нашел полено, Миша с другом не устали, стоят. Я у Мишиных ног получаюсь. Миша отдал гитару до завтра, тут еще у кого-то гитара, старик веселится, и ничего, что старик хочет быть с молодыми как они. Один певец высоким почти детским жалобным голосом пел, сам с виду мальчик с маленьким лицом, голос слабый, пел напряженно на пределе высоты и с переливами, и песня длинная, сейчас кажется, кончится, а он опять. Когда ему другие подпевали и чуть иначе, у него в припеве была синкопа, его нельзя было сбить, так он уверен в своем пении. У него забрали гитару. Миша с Сережей собрались домой. А во время пения я посматривал на Мишу и смеялся- как певец хорошо поет, и Мише мое мнение передалось; и вот на следующий день, когда я похвалил сестру, а про певца сказал он ни на кого не похож, Миша потом о нем моими словами сказал. Они пошли, позвали меня, а мне в другую сторону, и если бы я пошел с ними, опять я провожаю Мишу, и если бы поднялся пошел домой, опять получилось бы, сидел, только пока был Миша,- я сказал, еще посмотрю. Они отошли, я пошел тоже.

Суббота, хочу в поселок за сигаретами, еще думаю взять про запас, понедельник и вторник у них выходной;

что завтра воскресенье, я забыл, думал сегодня воскресенье. Его там не вижу, вижу Ольгу, сестру певицу, с младшей сестрой, вчера была в кожаной куртке; мелькнули в деревьях у ограды. Опять этот путь до купания, нет; может быть, спит. И знаю, чего хочу: хочу достать денег выпить с ребятами. Все будет живее, и легче поступки, а лишнее сплывет на опьянение. Давно надо бы что-то выкинуть как-то завоевать. Сумку белую увезли, я спросил денег у Ани. Я раньше хотел с ними выпить, но продал в разлив, и пусть я буду весел слегка и попадусь им на глаза. Взял вина, свежий огурец заесть вкус, и на ступеньках сел смотреть не пройдет ли мимо; нет. Допил, ухожу, ах вот где увидел Ольгу позади себя с сестрой у ограды; потому что оборачивался все время. И намеренье пойти к Ане просить еще денег, когда от этого опьянею, будет чуть-чуть, чувствую. У Ани подготовка, разговариваю, разговорить себя хочу, и таким пошел в столовую; полчаса до перерыва. У столовой ~~хотел~~ тот Слава, любовник, киваем. И вот когда стоя пью на веранде, разгуливая, народу почти нет, в одной руке стакан в другой огурец, хорошо так на ходу, вот тут вижу, едет на велосипеде не хочешь вина, спрашиваю, отказывается, долго ли, спрашивает, я вчера оставался, здесь и вспомнил певца в моих выражениях; и хочет на час пойти учить химию, он не сдал ее, один день был перерыв между химией и предыдущим экзаменом, многие не пошли сдавать; я, правда, уже мог сказать, упростилось, — ну, суббота, в субботу отдохни, он говорит, все равно надо, зарок дал. Я напутал, это было на первом стакане, я просидел у Ани с полчаса и полчаса дорога, потому что этот час он учил химию; а после второго стакана надеюсь его встретить на улице или на реке и Сергея зову составить компанию. Два стакана, правда, между ними час перерыва, на меня мало подействовали; а денег, всего по стакану Сергею и мне. Но привезли пиво; я занял за Славой любовником, он модник и не побрит с умыслом, помнит, конечно, как я сидел с ними на танцах когда Ольга пела и я внимательно слушал. А здесь я в ботинках, и совсем другое ощущение телу. Слава, Миша его так называл, мы пока

не знакомы, мне по виду ровесник и по манерам видно, круг ближе, чем хоть Сергей, относительно. Слава начал с другим человеком из очереди разгружать ящики с пивом, я тоже помог и Сергей, перед носом продавец закрыла окно на пересчет, вам, говорит, мальчики, отищу; а за мной человек просит ему тоже, я дал рубль Славе взять на меня, сам отошел пока попросить у Луси стаканы, тоже мне ново назвать ее на ты, как все посетители просто с официантками или кассирами, она сидит в кассе. Взял бутылки от Славы и вижу Мишу на улице; показал ему на Сережу — здесь Сережа, иди к нам. Пива не хочет, не любит, говорит, горькое. Мы выпили с Сережей, а со дна Миша допил. Совсем мальчик домашний, он и когда отказывался, сказал, стакана нет, а все равно, можно из одного, он возможно, даже сообразил, что не так сказал. Хмидю он этот час не учил, возился с велосипедом, пойдет учить сейчас. Мы его отговариваем, кажется, решил не учить, но зайдет по делу домой, потом нас найдет. Потом мы с Сергеем позади ограды шагах в тридцати от Миши, через кусты не видно. Сергей полез на черемуху, сказал, тут еще дикая малина; я лежу на земле, недалеко за кустами пьяный давно лежал и женщина проходила спрашивала, не наш ли друг. Раз я в траве, то и он наш знакомый. Вскоре условный свист, Миша. Когда Миша шел, он видел только Сережу на дереве, спросил его обо мне. Втроем недолго, потом не могу вспомнить как расстаемся; мы ведь еще идем в сторону купания, где теннисный столик у палаток, там они станут играть с большим счетом в пользу Сергея, а по дороге я вспомнил про Ольгу, сестру, мне нужно Мише через нее сказать как он красив. Их партия в теннис, я как будто слежу на траве ничего не разбираю и мысли текут о Мише; только слышу из разговора, что счет двадцать к трем, потом совсем всухую в пользу Сергея. Подобрал, в траве валялись погнувшиеся шарики, не помню, Сергей или Миша спросил — что, жечь собираешься? Они любят их жечь, Миша подсел закег, и они горели хорошо. Я не вспомню, как расстаемся; как обычно, идем втроем, Сергей свернул к себе, а мы с Мишей дальше до нашей развилки; но вот: к теннисному столу пошли, там спортсмены и тот, кому Миша оставил вчера гитару, сейчас

ходили гитару забрать и спортсмена не было. Еще Сергей рассказал, когда шли втроем, как в прошлом году однажды не было курить и они с Мишей видят в окне здесь блок сигарет, Миша надавил, стекло треснуло, а дело было среди дня, я еще спросил, разве рука так не поранится, они сказали, нет, как нажимать, они вытащили осколки, Миша тонкий, пролез, Сергей на страже слышит Миша в домике смеется, оказывается, он коробки открыл, а там во всех гвозди. Еще, когда с Мишей вдвоем идем, он сказал у него одна сестренка умерла до его рождения, я говорю, хорошо, иначе родители не позаботились бы тебя произвести, и у меня та же история. Значит, игра, жгли шарики, эти рассказы, расходимся как не помню, здесь выпало место и дальше слепое пятно. Дома наши вернулись, вот где я надел ботинки, я просил привезти; но что там ходил хорошо по веранде с вином в одной руке с огурцом в другой и присаживался за пустой стол, это так. Нет слепого пятна, потому что точно с Мишей до развязки доходили, расставаясь, я сказал— ну, на танцах встретимся; а он говорит— приходи раньше. Значит, иду, до танцев далеко, светло пока, путь до теннисного стола, не вижу, иду назад, поляна где волейбол, здесь и решилась судьба этой вещи. Еще думал, лучше чтобы ребята меня здесь застали, но их нет, зашел к Сергею рядом с поляной, он в рубашке, встречаем Мишу или заходим, или Сергей свистом; заходим, был такой случай, заходили вдвоем, я зашел, Сергей стоял рядом, Миша с гитарой, прошли немного, он сказал, я пойду гитару оставлю, еще Сергей его отговаривал, а он пошел, потом Миша нас нагнал и Сергей в моем пиджаке ему до колен, и он спросил Мишу как ему пиджак; на танцы рано, но все равно пошли, уже скоро. И совсем по другому танцы, так немного надо, и уже своей. Мы пришли, никого не было, и для тех, кто подходит, мы первые; а по дороге у них разговор, что всегда, когда им на танцы, их встречает одна пластинка, а сегодня встретила другая, смеются, Сергея в моем пиджаке не узнали. Сидим, подходит народ, и подходит Ольга с этим Славой и еще каким-то приятелем и двоюродной сестрой четырнадцати лет, все знакомо, и сестра садится со мной, явно, я ее занимаю, у нас нечего курить, и этот

Слава находит нам сигареты, Ольга, покурив, каждый раз делится со мной, а потанцевав, садится рядом; и ясно, разувнала обо мне у Миши. Я попросил спеть, поет, глядит мне в глаза; затем разговоры мохотых людей, Славы с приятелем, и перебрасывания названиями книг не в месту, но это знакомый круг людей. И эти ботинки с опорой ноге, и что я присмотрелся как здесь танцуют, — пошли с Ольгой танцевать. Она только и ждала, когда приглашу. Еще я ей сказал, что когда заиграют в ритме, — а уверенность у меня появилась, когда мы перед этим втроем стояли, Сергей с Мишей и я, я без пиджака мерз, и чтобы сдержать дрожь, больше от возбуждения, я вспомнил, надо напрячься и кровь побежит скорей, — так вот, Миша коленями перебирал в музыку просто так, я от него начал тоже, и Сергей, он все время просил показать как там в Москве танцуют, потому что все время ждал от меня что-нибудь, сразу обратил внимание и даже сказал — смотри, Миша, как хорошо; я отчетливо перенял от возбуждения его перебор; и вот он у меня остался в ногах, я все время его про себя держал, и в плече; я сказал Ольге — что-нибудь в ритме начнется, мы с тобой пойдём; правда, я не мог петь, то или не то начинают, вступления дают медленные, а потом переходит в шейк; а пока я раздумываю, Ольгу уже пригласят. Во время одного вступления Ольга протягивает в мою сторону папиросу, я подумал, даёт докурить, а она хочет сбросить ее, а руку протягивает позвать на танец; еще я назвал остаток папиросы чинариком, они не поняли — что? и изумленно смотрят, смеются; у них говорится бычок; но им понравилось, столичный житель, и слова у него другие. Мы с Ольгой танцуем и я свободно, а когда танцевали медленное до этого, когда просто переступают с ноги на ногу, я ей сказал, что ей лучше бросить все и ехать в Москву петь. Она, правда, сказала — какая я певица, и зря, не вышло с ее уверенностью и азартом. Она при удачных обстоятельствах могла бы быть в звездах, и сразу окружают мальчики приятели и совсем маленькие девочки, с восхищением смотрят на такие прихоти и огонь. А Слава, возможно, и не любовник, ей нужно проверенное окружение производить эффект, Сережа с Мишей, конечно, не уловили. Это Миша сказал Сергею, что Слава любовник, а Сергей засмеялся — только муж уехал на

соревнования. Любовник или нет, ей прежде нужны знакомые, чтобы могли восхищаться ею, а через них и незнакомым передастся. Потом Ольга, этот Слава, второй приятель, двоюродная маленькая сестренка хотят идти, Ольга спрашивает меня — вы нас проводите? и по дороге то обнимается со Славой, евреем, то с приятелем, игра, и для двоюродной сестренки, и взгляд на меня чтобы не отставал, а я без вина не переступлю грань. То меня под руку возьмет боится оступиться, то подбежит к еврею Славе поцелует, или просит приятеля, чтобы он ее целовал. А молодые люди отвечали так: приятель, его звали Шурик, просит, чтобы его поцеловала маленькая сестра и показывает как ему сладко, потом его поцелует Ольга, он нарочно сплюнет после нее, и все смеются. Дошли до палаток, с нами шла Ляся, в кассе в столовой сидит, и мы с ней вальс танцевали, а она так серьезно сказала — лучше меня придержи-вай, когда закружимся, я руку отпущу; эта Ляся плакала в начале вечера, а Ольга отводила ее что-то говорила как девочке, утешала, и видно было, что Ольге нравилась такая роль. Дошли мы до палаток, до маленькой на двух человек палатки, где, оказывается, расположились Слава еврей с этим Шуриком, а Ольга пойдет к бабушке и все. У палатки продолжился Ольгин концерт. Она пела много из Пиковой Дамы за всех героев и за оркестр; и видно, что все дети из состоятельных семей. И вот этот Шурик, приятель, говорит лежа у Ольги на коленях — Ольга, когда такая-то девочка узнала, кто я такой? Я понял, он осознанный голубой. И в голосе есть. А Слава еврей не похож. Совсем другая картина в сравнении со вчерашним. Ольгу все время совет, пойдём домой, мне поздно, эта Ляся, и не дождавшись пошла через лес, никто не встал ее проводить. Ольга с маленькой двоюродной сестренкой тоже поднялись идти, а вы пойдёте, Ольга меня спросила, на вы, — я рядом сидел ни разу не обнял ее, не взял за руку, и потом по дороге. На прощание пригласила завтра к палатке. Я от нее пошел проверить друзей и заблудился, громко зову — Слава, не слышат, и вижу, палатка, они на второй раз откликнулись, а я в первый раз звал в двух шагах; когда мы прощались с ними, когда я пошел с Ольгой

и двоюродной сестренкой, Слава весело сказал: нам с Шуриком тоже пора спать, будем любить друг друга; может быть, он в шутку сказал, — я думал, они еще не легли, посижу послушаю разговоры, они держались учтиво, интересовались, что в Москве; но я их нашел, а Слава говорит из палатки — а мы уже спим, ты дорогу найдешь? — А, спите? да-да, конечно; так и ушел.

В воскресенье с утра дождь впервые за это время. Спать не найду палатку, а звать громко не хочется; пошел к домику, открывают, бабушка лепешки печет, Миша провел в комнату, накурено, сидят все четверо, Ольга с двумя молодыми людьми в карты играют, и двоюродная сестренка в кровати. Я еще с ночи придумал занять их стихами как император содрогался и близился его конец и не сводя с Авроры глаза себя в руках держал боец, как будто вчера им приготовил; посмеялись. Ночью я строил планы, как Ольга в Москву устраиваться поедет и Мишу уговорю, договор о зиме на каникулы само собой. Приходит маленькая сестричка, родная: много Мишиного, обещает быть красивой, зубки съедены конфетами; Ольга стала ее целовать приговаривать, как она любит братьев и сестер — красивые, говорит, они у меня? Тут и Слава еврей спрашивает меня не поехать ли ему поступать в Москву. А вчера, когда Ольгу провожал, она сказала, что Слава журналист, а Саша учится на врача. Слава, значит, не учился на журналиста, так в газете подвизается; но тоже, вижу, моложе меня и на семь лет; а по виду ровесник. Но готовый журналист, в курсе всего, что делается на свете, все по верхам. Миша стал мне показывать книги, химию, еще научное о натяжении жидкостей, начал об их достоинствах. И тут новый поворот картины. Ольга назвала их фамилию, и как все тесно: это же их отец профессор, и как все приблизилось, были неведомые дети, я их бабушке за занавеску громко сказал, вот, какая у нас через родителей связь, чтобы одобрительней относилась, когда захожу за Мишей. А отец Лев Моисеевич; я Мишу спрашиваю — как же ты о евреях говоришь как-то со стороны, а Миша объяснил — отец не еврей, он русский, только на четверть еврей, но мне все равно, я не разбираю еврей или русские; я говорю — о, конечно,

все равно. У них мама русская, а отец неполовину, наполовину еврей. Они собираются в город, Миша тоже. Миша хочет на три дня ехать с химией, и я с ними. У Ольги дома муж, решается, соберемся у одного из друзей, у Саши мелике. Бабушка из-за занавески Мише сказала, чтобы он не ездил, ну, действует наоборот. Еще по дороге он скажет жестокие слова — надоела мне бабушка с бабушкой, хоть бы умерли скорей. Я предложил по дороге к автобусу небольшой крик ко мне, я перекусить хочу, а они здесь отказались, когда бабушка предлагала. А дома, когда я их рассадил с чаем и мне некуда сесть, Слава и Саша хотели стул высвободить из-под чашек, я отказался сесть на пол, и Миша сказал — пускай, так ему лучше; и мне сказал — я заметил, ты так любишь сидеть; и сам точно так же сел. Они по дороге передумали собираться сегодня. Слава тогда предложил, может быть, мне стоит вернуться, завтра к их сбору приехать. Я сказал, нет, поеду, дела в городе, и то с Ольгой иду, то все же с Мишей, раз все равно приятель с ней обнимаются, а идти далеко, сорок шестой прошел на наших глазах, мы пошли на двадцать шестой. На конечной стоянке там была большая лужа, в середине пень, я перебрался на пень, Миша встал с краю лужи, а остальные пошли к скамейке. Мне бы надо пойти к ним, ясно, что Миша не будет долго рядом стоять с краю лужи, и мы бы тогда рядом с ним там сидели; но вот Миша пошел к скамейке и сел с ними, а мне уж поздно к ним идти, они отметили бы, что я пошел за Мишей. Так и сидел отдельно до автобуса. В автобусе набралось много народу, я так угадал, чтобы с Ольгой места не было, она с двумя приятелями, а мы с Мишей вперед сели вдвоем. Вдруг он забеспокоился, сумку оставил, автобус еще не тронулся, а в сумке там редкая переводная химия. Он стал пробираться к выходу, я держу место, боюсь как бы не заняли и автобус не тронулся, двоюродная сестренка кричит из-за пассажиров — Миша, нашлась сумка; Миша вернулся, и мы поехали. Я предложил — давай отвернемся к окну, чтобы мест не уступать, а Миша говорит — я не могу, всегда уступаю; я еще не расслышал — не уступаешь? Он говорит — наоборот, уступаю; и я говорю —

ну и конечно, правильно делаешь. А ему предлагал, думал, ему понравится. Но около нас пожилых не было. Ближе к городу меньше народа стало в проходе, я иногда оглядывался на Ольгу, чтобы не почувствовала, что я с Мишей сел и мне ничего не нужно. Приехали, выходим втроем, Ольга, Миша и я, приятелям дальше. Миша меня перед выходом спросил — ты дальше идешь? мне лучше дальше, я сказал — да нет, выйду с вами пройду. Возможно, Миша думал, я из-за Ольги. Вышли втроем и не знаю, как с ней разговаривать, она все что-то идет от меня, ничего не поймет; ну, отменилось сегодня, и, думаю, спит мое молчание на то, что ей к мужу, с приятелями по дороге обнималась, и меня это омрачило. Так тяжело дошли до их остановки, пойду, говорю; завтра с утра съезжу в деревню, к вечеру вернусь; хотя думаю и не надо возвращаться, так лучше, чем прийти к ним и молчать. А когда мы в деревне к автобусу шли, Ольга сказала: я вам позволю в городе, и я ей свой телефон сказала, она повторяла, а медик Саша, у кого собираемся, мне свой телефон нарисовал на дороге, показал как запомнить, симметричные цифры по буквам, — так сейчас прощаясь мой телефон не вспомнила. И из дома ей решил позвонить в опьянении, чтобы она поняла, что я пил, и без вина я бы не знал, что сказать. Позвонил, Ольга, давайте сейчас увидимся; она говорит, нельзя, у меня Аркаша дома, до завтра. Я набрал еще раз четыре, и то никто не подходит, то другой голос говорит, нет дома, то вы не туда позвонили; я дальше прямо Мишу спрашивал, как будто через него хочу позвать Ольгу, так и он и Ольга могли бы подумать.

На следующий день, понедельник, приехал в деревню поздно, если к вечеру опять в город. Ясно, Мишу они с собой не возьмут. Для Ольги он младший брат, и гораздо младше, чем для меня. И вижу, погода переменялась окончательно, впервые за все время, и беспросветно. Я собираюсь к Мише в домик за гитарой, я у него вчера просил на эти два-три дня поучиться, пока он в городе, он с собой не брал, чтобы не мешала заниматься. И вдруг вижу его спину в сером свитере, он идет от домика вглубь, значит, он вернулся, но одновременно я увидел и уже начал спрашивать в

открытую дверь— можно? Дедушка его ответил— да-да, Аркадий? думал муж Ольги; видит меня— в чем дело? мне, говорю, Мишу; уже вижу где Миша, но поздно, уже спросил; Миша, говорит, грузит вещи в машину и они сейчас уезжают. Я нагоняю Мишу, он как раз с другими вещами гитару несет— все, говорю, уже знаю, а я приходил, как у тебя просил, взять гитару. Машина синяя за заборчиком и там отец; и я для отца впервые приятель его детей; здороваюсь, он отвечает сухо— здравствуйте— и поворачивается к багажнику. А всегда здоровался доброжелательно с улыбкой. Он идет к домику, Миша говорит, они забирают все вещи и уезжают, потому что погода вот так переменялась, меня еще спрашивает, не холодно мне; дождик льет, хотя как раз в этот момент не сильно. Я говорю— так все; он говорит— да нет, может быть, вернемся; но понятно, погода переменялась совсем, и ей давно полагалось, и ведь это и подготавливалось в последние дни, а вчерашний дождь был началом. И как-то еще понятно, и раньше было понятно, но здесь наглядно, что Миша еще ребенок, он ничего не решает, все взрослые, вот как отец с Мишей разговаривает, ведь для отца нет Антиной одного на сто тысяч мальчиков, а просто шестнадцатилетний сын, с которым надо поостороже. Я говорю Мише— как отец со мной поздоровался сухо; а Миша говорит, он торопится просто; я и сам вижу, что торопится, но нет, мне ничего не кажется. Не знаю, бабушка с дедушкой сказали ему, что Ольга эти два дня провела с молодыми людьми и приходила домой в два часа ночи, и что я был вчера, я не назвался, и бабушка связала это со мной, и может быть, эти вчерашние звонки, может быть, он слышал, что Ольге звонят и Мише тоже, и настойчиво, четыре раза, конечно, ему неизвестно кто, но я оказался в числе тех молодых людей, с кем Ольга проводила время, это-то ему бабушка сказала, она меня теперь знает, и что вот я к Мише пришел, нашел себе друга шестнадцатью лет; может быть, этого было в половину меньше, но все же все это мне в этом его здравствуйте показалось. Пока мы с Мишей стоим, отец несет вещи к забору со стороны домика, таз просит Мишу принять, так раза два, я каждый раз как будто хочу подойти помочь, но Миша опережает; не как будто хочу, а выхо-

дит как будто. И вот еще: я Мише говорю, что я здесь потому что думал гитару взять, чтобы он не чувствовал проводов, — так он протягивает мне гитару, на, — чтобы я поиграл, пока они грузятся. Мишенька. Потом, например, вышла бабушка, и так получается, что я не смог с ней поздороваться, она на таком расстоянии, что для того, чтобы услышала, надо было бы громко и вышло бы слишком нелепо мое старание; но, кажется, она и нарочно не смотрит в мою сторону, и у нее ко мне особое отношение, может быть, после того, как она отцу рассказала про Ольгу, и хоть вчера со мной разговаривала, сегодня уже дело другое, у них с отцом теперь отношение новое. Они, конечно, торопятся, но все же; потом мы наедине с маленькой сестренкой, у которой зубы съедены конфетами, все отошли за вещами, я, чтобы не молчать, улыбнулся ей, за интересовался какой-то медалью, и надпись читаю Будни-Радости; оказывается Будни-Радуга, все равно не понятно; говорит, она чемпионка здесь, детские соревнования, бегала что ли; я ничего не понимаю улыбаюсь ей, Миша подходит с вещами — вот, говорит, она у нас чемпионка. — Да, я уже знаю. — Нахвасталась, на нее посмотрел. — Да нет, это я у нее спросил, откуда медаль; и еще остаюсь с Мишей недолго; или это до этого, раз бабушка прошла; он спрашивает — ты телефон мой знаешь? я говорю — знаю; Миша, говорю, ты лучше сам позвони, нечем записать? — Бумага есть, карандаша нет; — Ну, посмотришь в телефонной книге; он математик, надо было сказать, он бы запомнил. Еще думаю, надо сказать, что я вчера звонил, он наверняка был дома и слышал все звонки; может быть, и не слышал, но все равно, выяснится, — вот, говорю, вчера звонил вам, только пьяный был, Ольгу спрашивал, потом тебя. — Пьяный был? — он переспросил так, наверное, знает об этих звонках, и ему объяснилась нелепость четырех или пяти звонков подряд; а, может быть, так спросил. Они садятся, отец говорит, правда, не глядя в мою сторону — до свидания; я говорю до свидания, с большим почтением, и стою смотрю, как поедут, Миша на переднем сидении с отцом, машина долго разворачивается, я еще думаю, зря иду домой, им по дороге мимо ехать, эта фигура под дождем, ясно, иду домой и только к Мише приходил, не сто-

ило бы, уж очень печально будет, но повернуть поздно, а хорошо бы, что я от машины в другую сторону, как будто обедать шел, но машина, вижу, разворачивается, чтобы выехать назад за забор, по дачной дороге, так не попадусь. Еще, когда мы с Мишей разговаривали, он спросил, поеду ли в город сегодня, я говорю— наверное, поеду, сегодня договаривались встретиться с ребятами, не знаю, ехать, нет. Он говорит, Аркадий не хочет идти. И когда они отъехали, я пошел тоже по их дороге к автобусу, опять сорок шестой прошел на моих глазах, и как вчера пошел к двадцать шестому на дальнюю станицу. Встреча вечером отменилась, я позвонил Саше, он сказал, Ольга не приедет; из-за мужа, значит; и я просто так спросил, где как встретиться, не собираюсь к ним.

Мы не виделись неделю, он, конечно, не звонил, я, пока занимался, тоже старался не звонить, чтобы не менять ничего из того, что вышло; и другое, я думал, позвонить можно будет только после того, как все закончу, и все письмо будет оттяжкой и средством удержаться от излишней поспешности. Я позвонил два раза и за это время, но один раз, кажется, никого не было, а один раз сказали, что Миши нет дома, может быть, что-нибудь передать? я сказал— нет, спасибо, позвоню еще; когда же положил трубку, понял, что это была Ольга и она мой голос узнала, для того и спросила с заминкой— может быть, что-нибудь передать; чтобы разговор продолжить. Но я сразу не понял и разговора не продолжил, теперь было поздно. А не понял я, я звонил в первой половине дня, она в это время, я думал, на работе. Но я письмом удержал себя на неделю от действий, теперь звоню прошу Мишу, и женский голос, не Ольга, не старый голос, не бабушка, мама, думаю, ответила, мне показалось,— сейчас; отошла звать Мишу, и тут же повесили трубку. Мне от нетерпения уже все равно, я снова набрал. Опять мама подошла и сказала— Миши нет, я ответила, кто его просит? Я назвал, объяснил, что в первый раз не расслышал и показалось, вы пошли его звать. Нет, говорит, я так вам и ответила, что его нет. Я правильно сделал, что перезвонил, а то так бы и думал, что нарочно повесили трубку, и может быть, он даже сам так попросил. А этот день пятница, день танцев, и

хорошая погода, думаю, он в деревне, я скорей туда, к домику— все закрыто, занавески опущены, только банка пустая от чая на подоконнике с той стороны, и у двери старые ботинки, и щетка на длинной палке. Все как было, когда они уехали. Я в эти три дня один раз приезжал сюда и видел эту картину, значит, он еще не приезжал. И завтра в субботу Миша не приехал, и в воскресенье не приехал тоже. В понедельник рано утром я, конечно, в городе, звоню ему, дождался десяти утра. Раньше может спать, позже уйдет. В первый раз никто не подошел. Во второй раз подошел сам, еще думаю, первые звонки услышал сквозь сон, и может быть связал, что это я звонил, но все равно. Когда, говорю, в деревню едешь? Да вот, завтра, или вернее всего, послезавтра, в среду. Я говорю— сейчас буду в твоём районе, надо по делу, выходи на улицу, если ничего не собираешься делать. Ладно, говорит, буду во дворе, объяснил какой дом, назвал номер и приметы. Я говорю, буду минут через сорок на обратном пути. На пути туда зашел к нему во двор, хорошо бы, думаю, вместе с ним пройти по моему поручению, так бы наглядней было, что я в его районе по делам. Но его нет, я пошел ключи взял, опять к нему, и он свистком окликает со второго этажа. А за эту неделю, ровно неделю не виделись, я, закрывая глаза, не мог в точности его представить, вдруг он стал у меня расплываться, и теперь я его увидел как после большой разлуки. Выходит, говорит— Аркадия видел, как раз за тобой шел; муж Ольги. Нет, говорю, и про себя пожалел, что не обратил внимания, интересно посмотреть, что за муж у Ольги. В кино, спрашивает, пойдём? Да, говорю, только давай лучше в центр; ну как, спрашиваю, твоя химия, выучил? то есть, освободился или нет; — нет, говорит, не садился, вчера ездил на дачу, где Ольга с Аркадием, и как там веселей, чем у нас, а в деревне скучно; что там сто дачных домиков, а где он был, там тысяча. То, что было мне многолюдной жизнью, ему глухой угол. Стал вспоминать, какие в городе фильмы, этот видел, вот, кажется, "Опрометчивый брак", можно пойти. В автобусе разговора нет, потом я вспомнил, думал, улыбнется, как Боря мне рассказывал, недалеко в лесу один мальчик нашел камень, понес в музей, ему двадцать

рублей дали, потом он двадцать рублей вернул, ему камень отдали, и другие хотели что-нибудь откопать, копали, копали, надоело, один со зла стукнул в последний раз, вдруг лопата провалилась, и они увидели комоды, сундуки с золотом, им за них тоже денег дали; я спросил Борю, давно это было, и от кого ты слышал? он говорит, было давно, он об этом в книге прочел; а почему, говорю, думаешь, в книге об этой яме, а он сказал — об этой, об этой, и стал уверять, что в книге правда написана; он думал, я мог сомневаться только правда написана в книге или выдуманно, что случай мог быть в других местах, он не допускал мысли. Миша улыбнулся, сходим, пошли ко мне. Ты иди, говорит, я подожду. У них принято видаться на улице, и вся жизнь на улице подалше от глаз родителей, потому так хотят в общежитие или в Москву уехать учиться. Все же зашли ко мне, посмотрели расписание в газете, и в основном идет то, что он видел, а что не видел, неудобно, часа два до начала, я боюсь, он раздумает, и когда вышли, сказал, что газета воскресная, а в понедельник меняют программу, хотя наверняка знаю, смена программы там тоже была, и ее он и читал. Все хорошо, только он по дороге звонит из автомата домой предупредить о себе, еще ни у меня ни у кого монеты не было и он хотел звонить без монеты, предложил зайти в будку посмотреть его способ; жаль, автомат не работал, и я не послушал как и с кем бы он дома говорил; когда разменяли, идти с ним в исправный автомат уже неуместно. Еще он рассказал по дороге, у Аркадия, муж Ольги, крест в ладонь величиной на цепи до пояса из чистого золота, он взял у своей бабушки, у нее много драгоценностей и живет одна в большой квартире, никто, мол, не догадается ее обокрасть; и в нашей швейцарской картине опять золото, человек потонул в рюкзаке с золотом, у старухи золотые занасы в бутылках и он ее хотел обокрасть. Но вот Аркадий мог занять его такой редкой вещью. И за час до сеанса, и после, когда гуляли по центру, ясно, что я ничем его не займу, ничего не знаю, и приятельству совсем не на чем держаться. Незачем было ему звонить мне, у него полно удовольствий, а что я ему предложу. Вот они с прия-

телем ехали на Яве перевернулись в кювет, потому что асфальтовая дорога внезапно переходила в песчаную, и многие кувыркались так же, а до них даже кто-то насмерть разбился. Я ему на Яве не предложу кататься. В среду, или даже во вторник, он сказал, приедет в деревню, и я не сделал того, о чем всю неделю думал, записать ему московский адрес, и у меня не было карандаша и бумаги, а если бы я у него попросил, а у него точно бы не оказалось, он был в рубашке, приглашение повисло бы в воздухе, пришлось бы в другой раз повторять. А надо в один раз, неназойливо. Я с утра выходил из дому, помнил, что нет с собой карандаша, но думал, возьму предусмотрительно, и за расчетливость буду наказан, не дозволюсь. Все, как в первый день — стоит на пригорке совсем незнакомый мальчик редкой красоты на гитаре играет, я для него просто прохожий, и ему наше знакомство ни к чему, ничего для него нет в моих поступках и разговорах, как бы я ни приноравливался.

Во вторник еду в деревню, он сказал приедет во вторник или в среду. Теперь только бы дать ему адрес, иначе нить упущена навсегда. В домике по-прежнему спущенные занавески, банка чая с той стороны, щетка на длинной палке и старые башмаки у входа. Это я зашел часов в семь вечера, потом еще заходил, осталась среда. В среду с утра заходил, и днем, и вечером часов в восемь, вечером дошел до Сергея, он выглянул в возбуждении, я говорю, обедаю, ко мне друг приехал, сейчас пойдем на поляну в бадминтон играть; даже, пожалуй, в смущении, что я зашел, а он не составит мне компании в прогулке. Я пошел назад под обрывом, чтобы он не видел, что домой иду и только к нему заходил, прошла среда, Миша уже не приедет. А на завтра я на всякий случай пошел заглянуть в его домик. И вот от забора вижу его черное окно, а оно было белым из-за занавески, я даже глазам не поверил, подошел ближе — ни щетки, ни ботинок, ни банки с чаем, у меня сердце забилось, подумал, приехал, спит еще, или в домике кто-нибудь из родных, а он гуляет, я заглянул в окна — никого нет, все уехали насовсем, сезон закончился, в домике пусто и все видно из окна в окно. Значит, вчера, когда я поленился

поздно пойти вечером, он был здесь, может быть, сегодня утром уехали, с отцом, машиной, раз ни занавесок ни матрацев, не в руках же он повез. Значит, они насовсем уехали, и адрес не смогу записать, звонить предлагать нельзя, произведет только обратное действие. И три дня осталось до моего отъезда, а они сюда не приедут. И вот ведь, опять как в то прощание после солнечных дней мил дождь, как будто нарочно для грусти— после того прощания все дни были солнечные, в понедельник, когда в кино ходили, жарко было, а тут дождь и я один стою, народу нет в поселке, даже и не попрятались, совсем разъехались. Когда мы с Мишей раньше здесь проходили, был один пустой домик, я всегда смотрелся, и когда мы с Мишей проходили, он тоже останавливался посмотреться, я думал, в такое темное зеркало не так видны двенадцать лет нашей разницы. В такое черное зеркало не так видны тринадцать лет разницы. Так теперь, я подумал, тот домик был предвестник. Во всех них живут только до осени, все станут пустыми по очереди, а теперь пришла очередь Мишиного домика. Я прошелся еще по всей дачной улице, до самого их купания, даже надежда недолго была вдруг он здесь. Вчера почти все равно было, а сегодня, из-за того, что так нелепо упустил, ходил-ходил, а когда он приехал, упустил, сегодня опять как тогда. Вечером в городе опять напоминание: один молодой человек вызвал с балкона приятеля точно тем же свистом как и Миша и Сергей, из какой-то известной им западной песни позывные.
